

—

VI.

В это утро Гу Сьюань сидел на драконьем троне, просматривая донесения за последние дни. В основном они касались хода восстановительных работ в Ваньнани и подготовки клана У в землях Цзин к мятежу.

Если следовать прежним обычаям, то оригинал — прежний владелец тела — даже не взглянул бы на поданные отчеты. Все решения принимал Вэй Чжэнпин, нанося проект резолюции, а императору оставалось лишь поставить красную печать и отправить документ на исполнение.

Однако на этот раз герцог Сун, пользуясь предлогом передачи списков кандидаток в невесты, зачастил во дворец Циньчжэн. Он использовал любую возможность, чтобы умаслить или заставить императора лично просматривать донесения.

Гу Сьюаню, разумеется, оставалось лишь плыть по течению.

Вэй Чжэнпин был крайне недоволен этим: власть явно уплывала у него из рук. Но сейчас герцог Сун следил за ним слишком пристально. Ему даже было неудобно найти предлог, чтобы заставить маленького императора «заболеть» или просто «отдохнуть».

Закончив читать последний свиток, Гу Сьюань протянул руку в сторону, но она нащупала лишь пустоту.

Он слегка нахмурился:

— Где чай?

— Чай, чай здесь! — Великий евнух Ван Тань немедленно подвел слуг с подносом, налил чай в чашу и почтительно подал её прямо в руки государю.

Гу Сьюань принял чашу, поднес к губам и осушил одним глотком. Мастерство Ван Таня в угождении господину было неплохим: он очень старался во всём, что касалось еды и быта. И хотя порой этот парень соображал туго и вел себя как-то подозрительно, преданности ему было не занимать.

Только он об этом подумал, как, ставя чашу на стол, краем глаза заметил, что Ван Тань стоит рядом и снова смотрит на него с тем самым выражением лица — то ли хочет что-то сказать, то ли замышляет что-то странное.

Гу Сьюань: «...»

Определенно, его нельзя перехвалить.

Он приподнял бровь:

— Что такое? Если есть что сказать — говори прямо.

Ван Тань тут же расплылся в заискивающей улыбке:

— Ваше Величество, после обеда вам надлежит отправиться во дворец Чусю для окончательного отбора невест.

Гу Сьюань поднял взгляд:

— Хм. И что дальше?

Ван Тань крайне деликатно произнес:

— Видите ли... Не кажется ли вам, что пора бы уже официально устроить ту таинственную госпожу-красавицу в какой-нибудь из дворцов? А затем пригласить лекаря, чтобы тот проверил пульс госпожи на предмет её благополучия?

— ... — Гу Сьюань замолчал, а затем недоуменно переспросил: — Таинственную госпожу-красавицу?

Ван Тань вполне естественно закивал:

— Ну конечно, Ваше Величество! Вы ведь целый месяц не заглядывали в гарем, разве не та красавица услаждала ваш взор всё это время? К тому же, вы так и не распорядились подать ей укрепляющее снадобье. В утробе госпожи в этот самый миг уже может зреть «Драконье дитя» — будущий наследник.

Гу Сьюань начал примерно понимать ход его мыслей и продолжил:

— И поэтому? С чего бы мне устраивать её во дворце?

Ван Тань посмотрел на него с неодобрением:

— Ваше Величество! Все эти дни госпожа безраздельно наслаждалась вашей любовью, «три тысячи милостей были сосредоточены в ней одной». Но сейчас во дворец хлынет толпа новых красавиц. Сердце госпожи неизбежно наполнится тревогой и печалью. Не дай бог она впадет в уныние, ведь это может навредить плоду...

— ... — Гу Сьюань.

Он поднял глаза и бесстрастно уставился на евнуха:

— «Три тысячи милостей в одной»? И «плод»?

Ван Тань кивнул:

— Именно так, Ваше Величество. Раб смеет посоветовать: такие тайные свидания, конечно, имеют свой особый шарм, но если это угрожает наследнику, то... Лучше пригласить императорского лекаря для осмотра.

Гу Сьюань сверлил его взглядом.

«Умный ты наш товарищ Ван... С такой фантазией тебе бы романы писать, а не при дворе служить — такой талант пропадает».

Гу Сьюань приоткрыл губы и выплюнул одно слово:

— Вон!

Ван Тань вздрогнул всем телом:

— Слушаюсь... Раб уже уходит...

С этими словами он пулей вылетел из дворца Циньчжэн, не забыв аккуратно прикрыть за собой двери.

Снаружи молодой евнух с тревогой посмотрел на него:

— Учитель, неужели Его Величество разгневались?

Ван Тань покосился на него:

— Что ты понимаешь?

На этот раз император вовсе не злился. В народе про такое говорят «под каблуком» или «боится жены». Государь куролесил добрых десять лет, и вот теперь, когда ему наконец встретился кто-то по сердцу, он, естественно, будет его холить и лелеять. Эх, зря он, Ван Тань, так торопился — у императора сейчас самый разгар страсти, а он лезет со своими советами.

Ван Тань тяжело вздохнул.

Походный дворец в Цзиньлине изначально был перестроен из императорского дворца прежней династии. Когда покойный император основал Великую Чжоу, он первое время сделал Цзиньлин столицей и жил здесь. Позже, из соображений военной стратегии, столицу перенесли на север, а Цзиньлин остался главным городом Наньчжили.

Поэтому масштабы Цзиньлинского дворца ничем не уступали настоящей столице — здесь были соблюдены все необходимые правила и каноны.

После обеда Гу Сыюань в императорском паланкине, в сопровождении внушительной свиты, отправился во дворец Чусю.

С тех пор как он начал заниматься боевыми искусствами, его чувства — слух и зрение — стали необычайно острыми. Поэтому, едва паланкин приблизился к стенам дворца Чусю, он услышал доносящиеся из-за ограды звонкие голоса и смех.

— Сестрица, какой же у тебя высокий рост! Из какой же ты благородной семьи?

— Надо же, в наших краях Цзяннани уродилась такая статная девица — ничуть не уступает мужчинам!

— Пусть поговаривают, что Его Величество всегда благоволил к нежным и хрупким дочерям Цзяннани, но в тебе, сестрица, есть совершенно особое очарование. Кто знает, может, именно тебе удастся найти к нему иной путь?

Сказав это, девушки весело и звонко рассмеялись.

Гу Сыюань: «...»

«Такое чувство, будто на сегодняшний отбор невест пригласили великана Куафу».

С этой мыслью императорский паланкин миновал угол ярко-красной стены и выехал на широкую аллею перед главными воротами дворца Чусю.

— Его Величество Император прибывает! — зычно пропели двое евнухов, охранявших вход, едва завидев императорский кортеж.

Звонкий смех и голоса за стеной мгновенно стихли.

Все претендентки, под строгим надзором дворцовых наставниц, выстроились в два ровных ряда по обе стороны внутреннего двора. Склонив головы в глубоком поклоне, они замерли — воплощение благопристойности и кротости:

— Желаем Его Величеству мириады лет счастья и благоденствия!

Кое-кто из девушек не выдержал и после поклона украдкой поднял глаза.

Они увидели высокую фигуру в роскошном темном одеянии, расшитом золотыми нитями. Увенчанный короной с двенадцатью подвесками-лю, император стремительно прошел мимо них.

Полуденный ветер пронесся по двору, и солнце, выглянув из-за облаков, отразилось в нефритовых бусинах короны. На мгновение девушкам показалось, что лик государя окутан сияющим золотым ореолом, подобно величию небесного божества — смотреть на него было почти невозможно.

Сердца их невольно забились чаще, а лица залил румянец.

Под навесом перед главным залом дворца Чусю уже стояли три кресла. В центре возвышался золотой трон с девятью драконами — место Гу Сьюаня. Справа сидел Вэй Чжэнпин, а слева — герцог Сун в своих неизменных доспехах.

То, что при отборе невест императором присутствовали и надзирали два высших сановника, было делом, пожалуй, беспрецедентным в истории.

Оба чиновника поднялись для приветствия.

Гу Сьюань коротким жестом велел им сесть и опустился на трон. Полуприкрыв глаза, он небрежно окинул взглядом двор. Пока он шел мимо рядов, он не смотрел ни на кого, сохраняя бесстрашие.

Но теперь, подняв взор, он действительно увидел среди тонких склоненных фигур одну, которая возвышалась над остальными, словно журавль среди кур.

Гу Сьюань прищурился.

В своей прошлой современной жизни он немного изучал антропологию. Поэтому, несмотря на то что «невеста» почтительно опустила голову, а её костяк казался довольно изящным и тонким (и даже были использованы накладки в области груди и бедер), для него не оставалось сомнений: перед ним был стопроцентный мужчина в женском платье.

Более того, судя по осанке и тому, как он держался, этот человек явно владел боевыми искусствами.

Хм... Какое совпадение.

До прихода сюда император был весьма обеспокоен. Месяц назад, чтобы благополучно передать деньги для пострадавших от наводнения в руки герцога Суна, он поддался

обстоятельствам и согласился на этот нелепый отбор.

Но что делать с этими красавицами после отбора? У него не было ни малейшего интереса заводить гарем из трех тысяч наложниц. Но если не выбрать никого, это неизбежно вызовет подозрения у Вэй Чжэнпина и герцога Суна. А если выбрать по-настоящему — значит погубить жизни молодых девушек.

Теперь же, когда нашелся этот мужчина — и неважно, какие у него цели: убийца он или шпион — с его помощью можно было бы со всем этим покончить.

Герцог Сун, заметив, что император пристально смотрит во двор, поспешил доложить:

— Ваше Величество, после нескольких этапов отбора во дворец допущено тридцать человек. Вы можете выбрать тех, кто наиболее мил вашему взору, и оставить их...

Договорив, он увидел, что Гу Сьюань всё еще не реагирует — его взгляд был прикован к центру двора, а на губах даже промелькнула тень улыбки. Уголок глаза старика Суна невольно дернулся: «Природа сластолюбца всё же неистребима».

Поколебавшись, герцог Сун всё же выдал:

— Если Вашему Величеству угодно... можете оставить всех...

Но в его голосе любой мог услышать глубокую сердечную боль.

— ... — Гу Сьюань покосился на него.

«Я только что ломал голову, куда девать этих девиц, а ты взял и предложил забрать всех разом».

Впрочем, ответ последовал незамедлительно с другой стороны.

Сидевший по правую руку Вэй Чжэнпин, услышав предложение герцога Суна, остался крайне недоволен. В последнее время он был занят подчинением сил в мире боевых искусств и поисками легендарной книги «Первозданное искусство Неба и Земли». Уверенный, что маленький император никуда не денется из его рук, он не тратил много сил на дела дворцовые.

Кто же знал... Что этот прямолинейный и суровый старик Сун вдруг сменит тактику и научится использовать красоток, чтобы завладеть сердцем тирана. Он так заморочил голову императору, что тот слушается его во всё и даже начал проявлять интерес к государственным делам. Если сейчас во дворец войдет столько красавиц, то императора окружают исключительно люди этого старого лиса.

Вэй Чжэнпин поспешил обратиться к Гу Сьюаню с увещанием:

— Ваше Величество! Как говорится, нужно хранить небесные принципы и искоренять человеческие желания. Монарху не пристало так легко погрязать в любовных утехах. Ваше Величество, ни в коем случае не слушайте герцога Суна!

— ...

При этих словах все присутствующие замерли. Люди невольно посмотрели на небо, проверяя, не взошло ли солнце на западе. Вэй Чжэнпин — первейший злодей и смутьян современности — поучает императора не предаваться разврату?

Герцог Сун остолбенел на мгновение, а затем разразился громким хохотом:

— Евнух Вэй, я поистине поражен вашим красноречием! Если вы так считаете, то, быть может, «винные пруды и мясные леса» в столице были построены для Его Величества кем-то другим, вашим полным тезкой?

Вэй Чжэнпин, прошедший через многие бури, и бровью не повел. Он ответил своим тонким голосом:

— В то время Его Величество был юн, и ему было трудно избежать тяги к забавам. Но теперь он достиг совершеннолетия, и ему надлежит заботиться о государственных делах, а не продолжать столь пагубное самозабвение.

Герцог Сун холодно усмехнулся:

— Если я еще не впал в старческий маразм, то те «винные пруды и мясные леса» были построены всего два года назад. Неужели путь от отрока до зрелого мужа Его Величество преодолел в мгновение ока?

Вэй Чжэнпин продолжал бесстыдно гнуть свою линию:

— Государь — истинный Сын Неба, дракон среди людей. Его развитие может идти в тысячи раз быстрее обычного, и разве нам, заурядным смертным, дозволено дерзко об этом судить?

— ... — Герцог Сун был поражен.

Как может человек с таким невозмутимым лицом извергать столь наглую лесть?

Гу Сыюань тоже всё понял: неудивительно, что этот старый евнух пережил три династии и возвысился так высоко — с такой «толстой кожей на лице» (бесстыдством) обычный человек даже соперничать не сможет.

Решив прервать их, он нарочито нетерпеливо и холодно прикрикнул:

— У господ министров, я гляжу, отличное настроение. Если не прояснить ситуацию, я начну гадать: это я сегодня выбираю красавиц или вы двое?

Вэй Чжэнпин и герцог Сун поспешно склонили головы:

— Просим Ваше Величество простить нашу бестактность.

Гу Сыюань не удостоил их и взглядом. Он махнул рукой стоявшему рядом Ван Таню:

— Начинай!

— Слушаюсь.

Ван Тань отозвался и вышел на край террасы. Обратившись к шеренгам девушек, он зычно скомандовал:

— Всем поднять головы!

В следующий миг послышался лишь тихий шелест — это перезванивали украшения из яшмы и терлись друг о друга шелковые одежды.

Истинно сказано: «Три тысячи красавиц выстроились в ряд, соревнуясь перед зеркалом в изяществе бровей».

А затем... затем Гу Сьюань замолчал.

Гу Сьюань: «...»

Он уставился на самую заметную фигуру среди претенденток и долго не мог отвести взгляд.

Ван Тань украдкой взглянул на господина, затем на девушек и подумал: «Разве Его Величество всегда не предпочитал хрупких и нежных дев Цзяннани? Почему же сейчас он так засмотрелся на эту... такую статную и суровую?»

В зале воцарилась тишина. И император, и претендентки словно лишились дара речи.

Однако Ван Тань не зря был первым любимцем и великим евнухом при Гу Сьюане — в такой ситуации только он мог разрядить обстановку. Он слегка склонился и прошептал императору на ухо:

— Ваше Величество, может, стоит позвать эту девушку поближе, чтобы рассмотреть получше?

Гу Сьюань не отвечал.

Для Ван Таня молчание господина всегда означало согласие. Он тут же взял лежащий рядом список, нашел портрет и описание этой высокой претендентки и громко объявил:

— Уроженка Чучжоу, Се Юнь, шаг вперед!

Услышав свое имя, Се Чэньюнь двинулся вперед, но на душе у него было крайне беспокойно.

«Эх... Так я и думал».

Стоило этому тирану сесть на трон, как он впился в него взглядом. Должно быть, чувства его столь глубоки, что он узнал его в толпе с первого взгляда. А теперь он и вовсе не может ждать и вызывает его поближе.

...Похоже, его миссия — внедриться во дворец под видом наложницы по заданию секты — заставит этого тирана окончательно потерять голову от радости.

Пока в голове Се Чэньюня роились тысячи мыслей, лицо его сохраняло возвышенное и холодное выражение. Подойдя к террасе и остановившись в нескольких шагах от троих заседающих, он слегка присел в женском поклоне:

— Скромная дева приветствует Ваше Величество!

Ван Тань поспешил напомнить остолбеневшему императору:

— Ваше Величество...

Гу Сьюань смотрел на знакомое лицо перед собой, и его чувства были куда сложнее, чем можно описать словами. Хотя он и планировал выбрать этого «высокого парня» в гарем, чтобы прикрыть свои дела, такой сюрприз был... чересчур.

Он сердито покосился на Ван Таня. Это всё из-за него — заладил «красавица, красавица»... Вот

и «накаркал».

Сидевший сбоку Вэй Чжэнпин, заметив реакцию Гу Сыюаня и оценив вид Се Чэньюня, холодно усмехнулся:

— Герцог Сун, я-то думал, вы целый месяц выбирали какую-то неопишную красавицу. С такими данными... если она встанет рядом с Его Величеством, можно подумать, что стоят два мужчины.

Сун Тянью с презрением ответил:

— Евнух Вэй, откуда вам знать, что такое красивая женщина? Бывают разные типы красоты: и пышные, и стройные. Нежная кротость — это красота, но и героическая стать — тоже красота. Главное, чтобы Его Величеству нравилось.

Гу Сыюань глубоко посмотрел на герцога Суна и бесстрастно произнес:

— Слова подданного полны смысла. Я нахожу, что эта дева прекрасна и она — одна на десять тысяч.

Герцог Сун удовлетворенно кивнул. Вэй Чжэнпин недовольно хмыкнул.

Се Чэньюнь чуть склонил голову, слегка прикусив губу. Этот тиран поистине бесстыден — нарочно говорит такие приторные слова прямо ему в лицо.

Ну и ну...

Гу Сыюань заметил, как у стоящего внизу Се Чэньюня чуть дрогнули пальцы. «Неужели разозлился из-за того, что его назвали девой?»

А в это время неугомонный Ван Тань с большим энтузиазмом подначивал:

— Ваше Величество, не желаете ли расспросить девушку о её талантах? К примеру, об игре на цине, шахматах, каллиграфии... или о рукоделии?

Рукоделие?

— ... — Гу Сыюань промолчал.

Если эта «красавица Се» внезапно взорвется и снесет тебе голову мечом, тогда и насладишься её «талантами».

Впрочем, учитывая, что этот трусишка Ван Тань все эти дни прислуживал ему вполне сносно, Гу Сыюань решил спасти ему жизнь. Выдержав паузу, он заговорил, медленно роняя слова в сторону Се Чэньюня:

— Ты... владеешь ли какими-нибудь искусствами? Неважно какими, любыми.

Се Чэньюнь взглянул на монарха. Этот тиран оказался на удивление заботливым. Если бы он хоть крупицу этой чуткости проявлял к государственным делам — было бы куда лучше.

Подумав так, Се Чэньюнь совершенно сухо ответил:

— Я умею танцевать с мечом.

Гу Сыюань приподнял бровь. Хм, какой твердый тон. Точно злится.

Пухлое лицо Ван Таня сморщилось. «Это же отбор невест, а не набор в гвардию... Не слишком ли сурова эта красавица?»

Он заметил, что лицо государя осталось неизменным — кажется, тот вовсе не возражал и даже выглядел весьма заинтересованным.

Ван Тань нерешительно спросил:

— Ваше Величество, прикажете оставить табличку (принять в гарем)?

Услышав это, Вэй Чжэнпин первым презрительно фыркнул:

— С такими данными — и прислуживать Его Величеству? Ваше Величество, я нахожу сегодняшних претенденток весьма посредственными. Позвольте мне в другой день поднести вам...

Однако в этот момент Гу Сыюань внезапно легко рассмеялся. Он поднялся с трона, спустился к Се Чэньюню и, взяв его за белую, холодную как нефрит кисть, произнес:

— Оставить табличку. И пусть она будет единственной. Остальных щедро наградить и отправить по домам. Из трех тысяч вод реки я выпью лишь одну эту каплю — и мне будет достаточно.

Сказав это, он потянул его за собой и размашистым шагом направился к выходу из дворца Чусю.

— ... — Все замерли.

Лишь одну? Это точно тот самый император, погрязший в вине и разврате?

Вэй Чжэнпин даже не смог сдержать улыбки. Маленький император в этот раз ищет новизны — выбрал нечто подобное. Наверняка через пару дней ему наскучит. И тогда, когда он, Вэй, поднесет ему толпу истинных красавиц, нечего будет бояться, что император останется под влиянием этого старого лиса Суна.

Герцог Сун тоже был доволен. Император не совсем потерял голову и проявил такую сдержанность. Глядишь, со временем и дурная привычка к сладострастию сойдет на нет.

А Се Чэньюнь, которого тащили за руку, чувствовал в голове кристальную ясность.

«Хех... Я так и знал, что мою табличку оставят». Взгляд этого тирана был более чем красноречивым. Еще с их первой встречи тот из кожи вон лез, вождедея его. Но он не ожидал, что тиран зайдет так далеко — откажется от своего привычного гарема и даже скажет эти слова про «одну каплю».

...Это и впрямь заставляло взглянуть на него иначе и вызывало в душе легкое смятение.

— Слава Его Величеству! — у ворот дворца стража слаженно отдала честь.

Гу Сыюань вскинул руку:

— Вольно. — А затем, повернувшись к Се Чэньюню, добавил: — Красавица, садись со мной в

паланкин.

Взгляд Се Чэньюня стал еще сложнее. Но, встретившись с ожиданием в глазах собеседника, он в конце концов едва заметно кивнул:

— Хорошо.

Поспешивший следом Ван Тань, увидев, как две фигуры одна за другой скрылись в паланкине, изменился в лице и невольно вздохнул: «Сердце императора так переменчиво... Еще утром он был непоколебимо верен той таинственной госпоже, а теперь носит на руках новую фаворитку».

«Только жаль ту таинственную красавицу — больше месяца делила с ним ложе, а её статус так и не был признан официально... Если там уже появились маленький принц или принцесса, то их судьба будет еще печальнее».

Эх... Ван Тань тяжело вздохнул.

Находясь внутри паланкина, Гу Сьюань и Се Чэньюнь даже не подозревали, что в чем-то воображении они уже стали героями душещипательной драмы о брошенной фаворитке, сбегавшей из холодного дворца с ребенком под сердцем.

Они сидели друг напротив друга. Гу Сьюань только собрался спросить, почему тот внезапно вернулся в Цзиньлин, как вдруг заметил, что Се Чэньюнь, чуть склонив свою стройную белую шею, пристально на что-то смотрит.

Проследив за его взглядом, он увидел их крепко сцепленные ладони.

— ... — Гу Сьюань.

Он поднял голову, желая объясниться. Он просто задумался и совершенно не заметил, что до сих пор держит его за руку.

Се Чэньюнь вздохнул:

— Ваше Величество, отпустите.

«Я понимаю твои чувства, понимаю, что ты просто хочешь воспользоваться моментом и полапать меня, но нужно знать меру».

— ... — Гу Сьюань.

Почему это выражение лица и этот тон кажутся такими странными?

...Похоже, оправдаться ему не удастся.

—